

Левшенко Юлия Игоревна

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

Исследование политического дискурса становится крайне актуальным в условиях современного информационного общества. Одна из основных проблем изучения дискурса - отсутствие системного представления о феномене и методах его изучения, а также концептуального единства в определении понятия. В статье систематизированы основные направления в исследованиях политического дискурса, проанализирован их исторический фундамент, степень влияния на развитие теории политического дискурса, обозначены тенденции дальнейшего развития.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/7-2/25.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 100-108. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

своего места в искусстве. Выставки выполняли компенсаторную функцию. В документах ощущения участников описываются, например, таким образом: «Массы подошли без всяких предвзятых мнений и увидели в картинах нашу жизнь, сегодняшний день... Это было радостно, и мы забывали те горести, которыми мы окружены, а разных горестей и печалей было и есть, хоть отбавляй» [Там же, л. 10]. Не менее ярко выражена функция легитимации. Стремление обосновать и поддержать доступными художникам средствами складывающийся социальный порядок диктовалось как заданным существующим общественным устройством, так и собственными интересами представителей художественной среды.

Список литературы

1. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 1076. Оп.1.
2. Елфимов Л. П. Кондратий Белов: народный художник России. Омск, 1997. 175 с.
3. Каталог 1-ой Всесибирской выставки живописи, скульптуры, графики, архитектуры / Сибирское общество художников «Новая Сибирь». Б.м., 1927. 23 с.
4. Каталог работ IV отчетной выставки художников Омской области. Омск, 1940. 19 с.
5. Копылов И. Л. На перевале. К первой Всесибирской передвижной выставке 1927 г. Новосибирск: Сибкрайиздат, 1927.
6. Первая Омская областная выставка живописи и графики, 1937 г.: каталог. Омск: Изд. Ом. обл. упр. по делам искусств; Омкооп. товарищества «Художник», 1936. 31 с.
7. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2941. Оп. 1.
8. РГАЛИ. Ф. 2945. Оп. 1.
9. У художников // Сибирские огни. 1935. № 6. С. 208-209.

**ART EXHIBITIONS AS SIBERIAN INTELLECTUALS' CIVIL INITIATIVE FORM
(THE 20-30S OF THE XXTH CENTURY)**

Zhanna Efimovna Levina, Doctor in History, Associate Professor
Department of Culturology
Omsk State Pedagogical University
levina1@yandex.ru

The author reveals the features of such specific form of artistic intellectuals' public initiative as the organization of exhibitions, pays special attention to the goals, tasks and types of art exhibitions in Omsk at the end of the 20s – the beginning of the 30s of the XXth century, determines the role of exhibition undertaking in Siberian urban culture specifics formation in particular and in soviet culture in general, considers adaptive, compensatory functions and the function of Siberian artists' activity legitimation, and shows that the material of the research can be used in the study of national history, culture history, and exhibition movement history.

Key words and phrases: intellectuals; social initiative; exhibition undertaking; artistic culture of Siberia; soviet artistic culture; urban culture.

УДК 32

Исследование политического дискурса становится крайне актуальным в условиях современного информационного общества. Одна из основных проблем изучения дискурса – отсутствие системного представления о феномене и методах его изучения, а также концептуального единства в определении понятия. В статье систематизированы основные направления в исследованиях политического дискурса, проанализирован их исторический фундамент, степень влияния на развитие теории политического дискурса, обозначены тенденции дальнейшего развития.

Ключевые слова и фразы: направления теории политического дискурса; критический дискурс-анализ; постмодернистские теории дискурса; конструкционистские теории дискурса; социальные теории дискурса; теоретический фундамент политического дискурса; тенденции развития теории политического дискурса.

Юлия Игоревна Левшенко

Кафедра философии политики и права

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

u.levshenko@gmail.com

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС:
АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ®**

Феномен дискурса на современном этапе развития политической науки вызывает чрезвычайно активный интерес и является предметом широкой дискуссии среди исследователей общественно-политических процессов. Термин «дискурс» звучит на конференциях, встречается на страницах монографий, диссертаций и

научных статей, однако в академической среде по-прежнему отсутствует консенсус по поводу сущности и содержания данного понятия, а также методов его изучения. Как отмечал Т. А. ван Дейк, «понятие дискурса так же расплывчато, как понятия языка, общества, идеологии и зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными» [Цит. по: 16, с. 42-46].

Библиотека работ, посвященных феномену дискурса (в том числе и политического дискурса), насчитывает уже сотни научных исследований зарубежных и отечественных авторов. Каждая работа имеет в основе определенный мировоззренческий и теоретико-методологический подход и представляет свой оригинальный взгляд на проблему. Объединяющим звеном для всех исследователей политического дискурса является положение о том, что в современном информационном обществе политические явления реализуются посредством дискурса.

Некоторые ученые обращают внимание на становление новой научной дисциплины, обозначая ее как политическую лингвистику, политическую дискуртологию и т.д. [12, с. 26-43]. Однако, на наш взгляд, совокупность подходов, существующих на данном этапе развития политической науки, сложно назвать строго оформленной научной дисциплиной. Правильнее будет считать это мировоззренческим направлением, интегрирующим разнообразные теоретические подходы и методы исследований мира политического.

Широкий разброс мнений в академической среде по поводу сути феномена и методов его исследования является серьезным аргументом, подтверждающим стабильно высокий интерес к проблематике политического дискурса, а также важность данной области исследований для развития политической науки. Для политического дискурса данный этап – период поисков и «болезненного роста». По справедливому замечанию Дж. Юла, «дискурс-анализ охватывает широкий спектр научной деятельности, начиная от узко сфокусированного исследования того, как слова “oh” и “well” используются в обыденной речи, до изучения доминирования идеологий в определенной культуре, представленных, например, в образовательных или политических дискурсивных практиках» [35, р. 83].

Глубокое осмысление проблематики политического дискурса требует изучения уже накопленного опыта в данной области, знакомства с основными трактовками дискурса и анализа устоявшихся теоретико-методологических подходов. В свете вышеизложенного представляется важной и необходимой задачей осуществить аналитический обзор теоретического наследия, тем или иным образом касающегося данной проблематики.

По разным оценкам период активного становления теории политического дискурса пришелся на вторую половину прошлого столетия. По справедливому замечанию О. Русаковой, «гуманитарные науки на протяжении всего XX века находились под обаянием феномена языка» [11, с. 10-28]. Именно на этот период приходится очень точное высказывание основателя семиологии и структурной лингвистики Ф. де Соссюра о том, что язык является социальным феноменом, внешним по отношению к индивиду: «Язык никогда, наперекор видимости, не существует вне социального факта, ибо он есть семиологический феномен. Его социальная природа — одно из его внутренних свойств; полное его определение ставит нас перед лицом двух неразрывно связанных явлений» [15, с. 340-345].

Вышеупомянутый период часто называют лингвистическим поворотом, который затем трансформировался в силу активного проникновения постмодернистской практики в конце 1960-х гг. в «дискурсивный поворот» [5; 7]. Эти изменения стали важной вехой в формировании гуманитарного знания, задав для него векторы развития. Первые результаты исследования политического дискурса были опубликованы уже в 1956 году в серийном издании П. Ласлетта «Философия, политика и общество» [31].

За годы исследований сложилось несколько научно-методологических направлений, каждое из которых представляет оригинальную трактовку дискурса, его теоретическую модель и способы изучения.

В данной статье рассматриваются работы, которые, по мнению автора, оказали наиболее значительное влияние на теорию политического дискурса. Статья имеет цель преодолеть мозаичность сложившихся подходов и дать краткий аналитический обзор теоретических работ, представляющих в ряде случаев различные точки зрения.

Теоретиками направления, в фокусе внимания которых находится проблематика политического дискурса, в разное время выступали М. Фуко, Ш. Муфф, Э. Лаклау, Т. ван Дейк, Я. Торфинг, М. Пешо, П. Чилтон, К. Шаффнер, Д. Лакофф, среди отечественных исследователей – М. Ильина, Е. Шейгал и др.

Теория дискурса обнаруживает множество корней, становясь синтетическим соединением различных подходов. Значительная часть теорий опираются на коммуникативный подход, рассматривающий дискурс, главным образом, как «важный и неотъемлемый агент коммуникации, который выступает носителем и ретранслятором смыслов, ценностей, идей, образов, мнений, интерпретаций и прочих ментальных и виртуальных образований» [11, с. 10]. Становление направления, в фокусе внимания которого находится теория и практика политического дискурса, закономерно вытекает из планового развития теорий политической коммуникации, заложенных Г. Лассуэлом, П. Лазерсфельдом и др. Корни теории политического дискурса также можно найти в работах последователей Франкфуртской школы, постмодернизма, социального конструктивизма и постструктурализма.

Одно из мощных течений, сложившихся в рамках теории политического дискурса, которое объединило в своих рядах блестящих исследователей, получило название критического дискурс-анализа.

Теоретический фундамент критического дискурс-анализа уходит корнями в марксизм. Теория дискурса мыслится как разоблачающая социальный порядок доминирования и принуждения. Истоки критического дискурс-анализа можно найти в работах А. Грамши, Л. Альтюссера, М. Бахтина.

Работы А. Грамши, описывающие теорию идеологической гегемонии, стали серьезной предпосылкой для развития критического направления теории политического дискурса. Анализируя социальные процессы, Грамши утверждал, что идеология есть не что иное, как определенная трактовка социальной реальности. Властьимущие смогут держать массы в подчинении, только если им удастся представить свои воззрения как общезначимые, обеспечив тем самым свою легитимность и всеобщее согласие. Однако Грамши в отличие от последователей рассматривал идеологию как явление позитивное, с помощью которого можно создать новую культуру и объединить людей [6, с. 41–47].

Идеи А. Грамши были активно восприняты теоретиками политической коммуникации. Современные процессы управления они стали трактовать как гегемонию посредством масс-медиа. Грамши много говорил о влиянии идей на социальную реальность. Однако он не ставил вопрос о конструировании общественных явлений посредством языка и был далек от идей социального конструктивизма, воспринятых впоследствии теоретиками политического дискурса.

Другой ученый, сыгравший значительную роль в становлении дискурс-анализа, — М. Бахтин. Он активно занимался исследованиями языка, рассматривая его как инструмент идеологической и политической борьбы. Бахтин утверждал, что значение определяется контекстом, зависит от ситуации и никогда не является законсервированным. Господствующий класс стремится зафиксировать значение [2].

Идеи неомарксистов впоследствии стали богатым идейно-теоретическим источником для школы критического дискурс-анализа.

Еще одной важной предпосылкой развития направления критического дискурс-анализа, на наш взгляд, можно считать идеи немецкой школы, которая рассматривала проблемы использования лингвистических конструктов для достижения политических целей [8, с. 59–75].

Исследователи О. Русакова и Е. Ишменев, подробно рассматривавшие предпосылки возникновения, основные теоретико-методологические установки и особенности критического дискурс-анализа, выделяют несколько течений внутри этого широкого и в определенном смысле мировоззренческого направления [14, с. 36–48]:

- французский дискурс-анализ (М. Пешо, П. Серио, Э. П. Орланди, Ж.-Ж. Куртин, Д. Мальдидье);
- критическая лингвистика (Р. Фаулер, Б. Ходж);
- социальная семиотика (Г. Кресс, В. Лиуэн, Л. Чоулиораки);
- социокультурный дискурс-анализ (Н. Фэркло, Р. Водак);
- социокогнитивный дискурс-анализ (Т. А. ван Дейк).

Общим моментом для всех направлений является то, что в работах авторов постулируется проблема использования языка как инструмента социального контроля и власти над обществом.

Критический дискурс-анализ представляется одним из самых разработанных и структурированных направлений в теоретическом плане, имеющим достаточно большое количество приверженцев среди интеллектуальной элиты. Его возникновение приходится на конец 1980-х годов, когда, по мнению исследователя дискурса Т. А. ван Дейка, дискурс-анализ вступает в этап развития внутриотраслевой специализации [26].

Я. Торфинг, видный исследователь дискурса, относит критический дискурс-анализ ко второму поколению теорий дискурса, когда под влиянием, главным образом, постструктуралистской традиции предметное поле дискурс-анализа перестает сводиться к лингвистическим проявлениям, расширяясь до изучения общественно-политической составляющей [32, р. 1–32]. М. В. Йоргенсен и Л. Дж. Филлипс также отмечают, что в становлении критического дискурс-анализа постструктурализм сыграл одну из определяющих ролей, сформировав основные предпосылки для возникновения теории [19].

Согласно Н. Фейрклоу, цель критического анализа дискурса — рассмотреть связь между использованием языка и неравными отношениями власти [27]. Критический дискурс-анализ, в духе классического марксизма, трактует дискурс как властный ресурс, который правящая социальная группа использует для поддержания своего идеологического превосходства, а также отношений субординации и подчинения. Политический дискурс значительно усиливает неравенство и расслоение общества. Власть, обладая значительными коммуникативными ресурсами, стремится выстраивать свою коммуникативную стратегию таким образом, чтобы социальные процессы протекали в рамках и «под эгидой» существующего политического дискурса. Кроме того, важным инструментом, воспроизводящим социальное доминирование, являются возможности политического дискурса создавать идентичности, производить некую категоризацию и отнесение различных групп к тем или иным «классам».

Представители критического дискурс-анализа пропагандируют эмпирическое изучение феномена и широко используют лингвистические методы в исследованиях, делая акцент на исследовании текста и речи с целью выявления практик манипулирования общественным мнением. В работах Г. Кресса встречается мысль о том, что идеологическая позиция реализуется с помощью текстовой синтаксической структуры [29]. Таким образом, идеологическая форма транслируется с помощью лингвистического содержания.

По мнению Р. Водак, власти всегда свойственна пристрастность, т.к. политическая сфера практически во всех случаях предполагает субъективный интерес закулисных сил [33]. Средства массовой информации проигрывают в своем стремлении быть независимыми, т.к. даже будучи неангажированными, транслируют информацию в общепринятых рамках.

Авторы критического дискурс-анализа сходятся на том, что дискурс всегда должен рассматриваться в контекстах заданной ситуации, существующей культурной традиции и господствующей идеологии в самом широком смысле этого термина. Контекст играет основополагающую роль в теории политического дискурса

Т. А. ван Дейка, который рассматривает его в качестве ментальной модели, сквозь призму которой участник политического процесса воспринимает полученную информацию. Ментальная модель каждого индивида представляет собой уникальную конструкцию. Дискурсивные практики не существуют без определенных стереотипов, знаний, групповых установок и принятых мнений. Огромное количество процессов, происходящих вокруг индивида, приводит к вынужденной когнитивной редукции с помощью закрепленных ментальных моделей. Итак, текст воспринимается в контексте наших знаний [3, с. 22-31].

Продолжая постструктуралистскую традицию, критический дискурс-анализ говорит о влиянии дискурса на формирование социально-политической реальности. Категориальная дефиниция дискурса, включающая производство знаний, тесно связана с социологией знаний, в том числе с конструированием социальных знаний [18, с. 7-9]. Однако М. В. Йоргенсен и Л. Дж. Филлипс полагают, что это влияние носит и обратный характер, обеспечивая взаимодействие социальной практики и дискурса. Похожую позицию отстаивают Н. Фэркло и Р. Водак, утверждающие, что «дискурс и социокультурная реальность обуславливают друг друга: дискурс формирует общество и культуру так же, как и сам формируется ими; их взаимосвязь диалектична. Это означает, что каждый факт применения языка делает свой небольшой взнос в процесс воспроизводства или трансформации общества и культуры, включая властные отношения» [14, с. 44].

Одним из центральных понятий для теоретиков критического дискурс-анализа является феномен «коммуникативного события», которое трактуется как «соединение логики дискурсивной практики с объективной логикой социального и экономического порядка» [11, с. 19]. Таким образом, объективный мир находится в ситуации взаимовлияния и взаимодействия с дискурсивной практикой, обеспечивающей взаимное же развитие и проникновение. Однако теоретиками критического дискурс-анализа отрицается полное конструирование социального посредством дискурса.

Н. Фэркло и Р. Водак, являющиеся одними из самых известных представителей, пишущих в традиции критического дискурс-анализа, одной из причин бурного развития направления называют увеличение контактов политических деятелей (либо институтов) с массовой аудиторией посредством масс-медиа [28]. Другими словами, в современном обществе контакт между представителем власти и обществом напрямую затруднен, приходится активно вовлекать информационные ресурсы, которые подразумевают использование текста, заключенного в продуманный контекст.

Развитие критического дискурс-анализа, на наш взгляд, хорошо вписывается в логику нынешних рыночных отношений, по законам которых отчасти функционирует и политическая сфера. Политические деятели (объединения) осуществляют свое позиционирование и самопрезентацию, используя политический дискурс и превращаясь в своего рода «товар», которому необходима привлекательная и вызывающая доверие «упаковка», другими словами, политический имидж, который в большей степени складывается с помощью текста, транслируемого медиа.

Несмотря на активное развитие направления критического дискурс-анализа, сотни научных работ, монографий, специализированных журналов, ученых-приверженцев, критический дискурс-анализ подвергается значительной критике. Один из основных пунктов, который совпадает с авторской позицией, — так называемая «презумпция виновности текста» [17, с. 61]. Представители критического дискурс-анализа априори исходят из того, что всякий текст имеет идеологическую нагрузку и призван быть орудием установления отношений доминирования и субординации.

Е. Переверзев выделяет три основных направления критики [10, с. 31-38]:

- Междисциплинарность. Критический дискурс-анализ позиционируется как междисциплинарное направление, кросс-дисциплина, призванная интегрировать исследовательские поля, синхронизировать методы и внести общий момент в среду академических исследователей. Однако практика показывает обратное: поле политического дискурса подвергается все большей сегментации.

- Объективность. При отборе материалов для исследования, а также теоретико-методологического инструментария, ученый вносит элемент субъективности. Невозможно быть уверенным в том, что твой собственный язык не несет на себе отпечаток тех идеологических пропозиций, которые ты сам пытаешься обнаружить в языке других. Предвзятость критического дискурс-анализа ван Дейк открыто признал в одном из программных документов [34, р. 96].

- Неравенство. Исследователи критического дискурс-анализа всегда стоят «по другую сторону баррикад», пытаясь решать проблемы, в которые они сами не погружены.

П. Чилтон, в свою очередь, отмечает, что сторонники критического дискурс-анализа в борьбе с несправедливостью вряд ли смогут оказать даже минимальное влияние на угнетение и эксплуатацию [25].

Другое направление, которое мы хотим обозначить в данной работе — социальные теории П. Бурдьё и Ю. Хабермаса.

Исследователи рассматривали дискурс как символический капитал, функционирующий в политическом поле. Ученые отводили особую роль сфере культуры, которую пытались освободить от экономического детерминизма, указывали на роль субъективной составляющей в преобразованиях, пытались снизить значение объективных экономических причин и показать, насколько важны изменения в результате социальных взаимодействий.

П. Бурдьё вводит в терминологию своей теории понятие габитуса, которое в определенном смысле означает способность говорящего посредством языка воплотить потенциальные намерения в реальность. Таким образом, политический дискурс для Бурдьё — инструмент реализации интересов [4].

Ю. Хабермас рассматривал понятие дискурса в рамках социально-коммуникативного подхода. Исследователь создал некую идеальную ситуацию дискурсного общения, в которой стороны приходят к консенсусу.

Этот идеализм Хабермаса часто подвергался резкой критике со стороны других ученых. Тем не менее, исследователь рассматривал такую ситуацию в качестве идеальной коммуникативной модели.

Таким образом, Хабермас, в отличие от теоретиков критического дискурса-анализа, не ассоциирует дискурс с давлением, навязыванием своей точки зрения, с доминированием и отношениями господства, напротив, для него ситуация дискурса сходна с рациональной дискуссией, в ходе которой позиции сторон критикуются, уточняются, принимаются/отвергаются, и равноправные участники приходят к аргументированному согласию. Преодоление конфликтности происходит не путем силового принуждения, а с помощью убеждения, которое может включать и эмоциональную составляющую.

Хабермас вводит правила дискурсивной аргументации, которые, по его мнению, служат достижению идеала и способствуют установлению равного диалога участников политического процесса.

В этом проектном политическом пространстве «формирование общественного мнения и политической воли в публичной сфере и парламенте подчиняется не структуре рыночных процессов, но самобытной структуре публичной коммуникации, ориентированной на достижение взаимопонимания. Для политики в смысле практики гражданского самоопределения парадигмой является не рынок, а диалог» [22, с. 388].

Политическая идеология и практика политической жизни, по мнению Хабермаса, должны целиком и полностью основываться на вышеизложенной дискурсивной практике, что позволит достигать консенсуса и взаимопонимания при решении тактических и стратегических задач, особенно в ситуации столкновения сторон. Позиция ученого получила название «этики дискурса» [23].

Другое широкое направление, которое предложило свою трактовку политического дискурса и которое нельзя оставить без внимания в силу его значимости и широкой популярности, — постмодернизм.

Рассматривая теорию политического дискурса в рамках постмодернизма, мы получим некий «пазл» из представлений, каждый из которых все же представляет отдельную картину. Это достаточно широкое течение представило миру не один оригинальный подход, максимально расширив трактовку понятия «дискурс». Максималистское утверждение о том, что «все есть дискурс» вышло из-под пера представителя именно этого направления [11, с. 14].

В рамках постмодернизма политическая реальность существует в силу идей о ней, закрепленных в правилах, нормах, институтах социального контроля и принятых окружающими. Существующий образ действительности не объективен, сформирован господствующим дискурсом, который в конфликте с другими дискурсами получил преимущество и возможность придать свое уникальное значение тому или иному явлению.

Другими словами, с точки зрения постмодернизма, конструирование социальной практики происходит посредством языка, транслирующего определенные значения, мнения, образы. Поэтому исследование политического дискурса должно вестись строго через текст. Отсутствие объективной картины мира подводит к исследованию субъективных смыслов и представлений.

Дискурсы, с точки зрения постмодернизма, не являются раз и навсегда законсервированными явлениями, они подвижны, изменчивы, открыты для преобразований. Дискурсы поливариантны, существуют альтернативные значения, которые могут в результате борьбы трансформировать представление о социальном объекте.

Для одного из самых популярных авторов, мыслящих в рамках данной исследовательской парадигмы, — М. Фуко, дискурс представляет интерес с точки зрения интерпретации его как властного ресурса, воспроизводящего отношения доминирования и способствующего поддержанию неравенства в обществе. «Я полагаю, что в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых — нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события, избежать его такой полновластной, такой угрожающей материальности» [21, с. 51].

В одной из своих поздних работ «Археология знания» Фуко трактует дискурс как некую тонкую контактирующую поверхность, сближающую язык и реальность, где дискурсы более трактуются не как совокупности знаков (означающих элементов, которые отсылают к содержанию или репрезентации), а как практика, которая систематически формирует объекты, о которых они (дискурсы) говорят [20, с. 49-50].

Любые социальные явления детерминированы дискурсивными практиками. Фуко не отрицает возможность существования социальной реальности, но считает, что она не может восприниматься не через дискурс, т.к. процесс восприятия сопровождается интерпретацией информации сквозь уже имеющийся опыт и в соответствии с теми структурами, которые мы считаем истинными.

Будет справедливо отметить, что Фуко заложил мощную основу для дальнейшего развития теории дискурса, став идейным вдохновителем многих авторов.

Отдельного рассмотрения заслуживает дискурсивная теория Э. Лаклау и Ш. Муффа. Теоретические построения ученых разворачиваются в рамках парадигмы социального конструкционизма.

Теория Лаклау и Муффа своими корнями уходит в труды Л. Альтюссера, который в отношении трансформации реальности и влияния на нее идеологии отводил последней чрезвычайно значимую роль [1]. «Сверхдетерминация идеологии» — с этим понятием ассоциируется имя ученого. Идеология рассматривается Альтюссером как область социальных практик, которая через задействование бессознательных механизмов способна подчинить индивидуальное сознание. Такой подход исследует дискурсивные стратегии, формирующие определенные социальные представления индивидов. По справедливому замечанию О. Русаковой, Л. Альтюссер рассматривает идеологию не как царство идей, а как способ (в том числе дискурсивный) позиционирования людей в качестве социальных субъектов направления [14, с. 36-48].

Дискурсивная концепция Э. Лаклау и Ш. Муффа стала логическим продолжением теоретических построений Альтюссера. Основываясь на предпосылках своего идейного предшественника, Лаклау и Муффа

берут на вооружение постструктуралистскую концепцию языка, постулирующую неустойчивость значения, а также концепцию идеологии, рассматривающую социальный порядок как некоторую конструкцию, построенную посредством дискурсивной практики господствующих политических сил [30].

Исследователи доказывают, что в рамках политического дискурса происходит формирование идеологии путем изменения структуры языка. Фиксация значений имеет место в программных документах, в которых понимание временных событий представлено под определенным углом. Таким образом, политика представляет собой сферу, конструирующую и трансформирующую социальную реальность.

Общество – это открытая, изменяющаяся система, в которой присутствует множество значений. Дискурсы постоянно борются между собой за право придания тем или иным событиям определенных значений. Лаклау и Муфф стремились понять, как происходит присвоение того или иного значения социальному феномену, другими словами, как происходит трансформация дискурса.

В отличие от приверженцев критического дискурс-анализа, которые подчеркивали взаимовлияние дискурсивных и социальных процессов, Лаклау и Муфф утверждали, что исследователь, включенный в общественно-политические процессы, также является носителем политического языка и идеологии, поэтому вся социальная практика дискурсивна по своему характеру. Однако последнее не отрицает возможности наличия объективного социального устройства. Лаклау и Муфф отмечают: «Тот факт, что каждый объект конституирован как объект дискурса, не имеет ничего общего с вопросом о существовании мира внешнего по отношению к мысли или с оппозицией реализм/идеализм» [Цит. по: 13, с. 60-67].

Еще один видный исследователь политической реальности Я. Торфинг занимался детальным изучением теории дискурса, полагая, что она представляет собой совершенно новый теоретико-методологический подход, в фокусе внимания которого находятся проблемы конструирования реальности, образов, смыслов, проблема политической идентичности. Торфинг предложил новую классификацию дискурсивных теорий в зависимости от смысловой близости к постструктурализму [32, р. 1-32].

Себя Торфинг относил к третьему, наиболее близкому к постструктурализму, направлению, отрицая в духе постмодернизма понятие объективной истины. По мнению исследователя, существующий социальный порядок – результат дискурсивного конструирования, которое решает, что есть истина. Этот порядок не устойчив и подвержен колебаниям, пересмотрам и всяческим изменениям. «Дискурс есть результат гегемонистских артикуляций, цель которых — установление как политического, так и морально-интеллектуального лидерства в обществе» [14, с. 3].

Теоретики М. В. Йоргенсен и Л. Дж. Филлипс, работающие в русле данной проблематики, стремились преодолеть противоречия между существующими теориями и предложить новый комбинированный подход, основанный на синтезе положений различных теоретических построений.

Йоргенсен и Филлипс провели классификацию существующих теорий дискурса на основании принадлежности к социальному конструкционизму и предложили, по их мнению, универсальный теоретико-методологический подход, объединяющий критический дискурс-анализ, теорию дискурса Э. Лаклау и Ш. Муфф и дискурсивную психологию.

М. В. Йоргенсен и Л. Дж. Филлипс рассматривают доминирующий дискурс, который претендует на объективную истину, выдавая нечто за «само собой разумеющееся».

Цель дискурса состоит именно в выявлении и раскрытии подобной практики. Что касается вопроса о существовании объективной истины в целом, то теоретики решают его следующим образом: «Поскольку истина недостижима, то бесполезно спрашивать, является ли что-то истинным или ложным. Вместо этого следует сосредоточиться на том, как создаются “эффекты истинности” в дискурсах. Нужно анализировать дискурсивные процессы, посредством которых дискурсы производятся так, что создается впечатление об истинности или ложности представленной в них картины действительности» [19, с. 33].

Исследователи выделяют социальную и дискурсивную практики, оставляя открытым вопрос об их соотношении.

Анализ работ отечественных ученых, работающих в данной парадигме, показывает, что отечественные теории в основной массе тяготеют к критическому анализу дискурса, ставя проблему использования языка как властного ресурса в центр исследований.

В среде ученых, изучающих дискурс, широко известно имя исследователя Е. Шейгал. Она предлагает выделять два методологических течения: дескриптивное и критическое [24]. Дескриптивное направление изучает текст, его содержание, а также языковые приемы и методы, применяемые в политической среде. Критический анализ пытается найти корни социального неравенства в языке.

Согласно теории Е. Шейгал, каждый индивид характеризуется наличием определенной ментальной схемы, которая задает ему определенные фреймы, детерминируя, в том числе, и его вербальное поведение. Речевые приемы и техники позволяют участнику политического общения реализовывать систему принципов, лежащую в основе определенной идеологии.

По мнению исследователя, политический дискурс представляет собой институциональное общение, которое в отличие от личностно-ориентированного использует собственную систему знаков (терминологию, фразеологизмы и т.д.).

В схожем направлении мыслил основатель Московско-Тартуской школы Ю. Лотман, который также разделял личностный и социальный уровни коммуникации [9]. Политический язык носит символический характер, он нагружен идиомами и разного рода терминологическими конструкциями. Однако для обретения действительно символического характера и возможности восприятия его массовой аудиторией, а не только

определенными социальными общностями, используемые языковые конструкции должны иметь определенную степень однозначности.

Лотман указывал на наличие множества противоречивых конструкций в рамках общественного сознания, между которыми постоянно происходит борьба за доминирование и за возможность представлять свою модель мира, которая является не иначе как одной из очередных субъективных интерпретаций.

Д. Максимов выделяет следующие теории политического дискурса в рамках отечественной школы [14, с. 48-51]:

- Теории манипулятивности (А. Романова, Ю. Черепанова) исследуют языковые стратегии, используемые политиками в целях контроля над обществом.

- Теории тематического анализа (Ю. Караулов, А. Баранов, А. Чудинов) акцентируют внимание на смысловой направленности дискурсии, заданной говорящим. Данный подход учитывает и объект коммуникации, принимая в расчет особенности восприятия реципиента, его уровень когнитивного восприятия, условия коммуникации (господствующие в среде стереотипы и устойчивые блоки) и т.д.

- Теории рефлексии (Т. Милевская, Н. Басенко) делают упор на том, что «производители» политического дискурса по-разному могут понимать одни и те же концепты, соответственно изменяя их в рамках своих идеологических убеждений. По мнению Максимова, теории рефлексии раскрывают динамическую сторону дискурсивных формаций.

- Теории аксиологического анализа (Г. Слышкин, В. Карасик) акцентируют внимание, прежде всего, на ценностной составляющей политического дискурса.

- Теории интен-анализа (Т. Ушакова, Н. Павлова) предполагают акцентированное внимание на изучении коннотативного значения вместо денотативного, указывают на ситуативность любого текста.

- Идеологический анализ политического дискурса (В. Базылев) подразумевает анализ политического дискурса с точки зрения передачи ценностно нагруженных смысловых структур, претендующих на объективность.

- Теории конфликтного политического дискурса (М. Кочкин, Л. Майданова, В. Амиров, Т. Федотовских) используют словарь конфликта, вооруженной борьбы.

Справедливо будет отметить, что в среде отечественных теорий не сложилось каких-либо мощных течений. Авторы, как правило, соотносят себя с одним из западных направлений либо представляют узконаправленную теоретическую концепцию.

Подводя итог, можно сказать, что середина XX века стала важной вехой в развитии гуманитарных дисциплин. Проведенный анализ убедительно демонстрирует, что в области исследований политического дискурса идет активное накопление и осмысление теоретической базы. При этом четко просматриваются тенденции усиления связи между политическими и языковыми явлениями, а также более глубокой специализации теорий политического дискурса.

Общим моментом для всех теоретических исследований является положение об инструментальном применении политического дискурса.

Проанализировав многочисленные теории политического дискурса, мы предлагаем рассматривать их с точки зрения следующих направлений.

Наиболее динамичное развитие (как с точки зрения количества, так и качества) получают теории, созданные в рамках критической парадигмы. Сформировавшись на фундаменте неомарксизма, направление критического дискурс-анализа оказывает наибольшее влияние на развитие теории политического дискурса. По мнению автора, это связано с ростом внимания к манипулятивным инструментам в руках властных структур и стремлением ограничить их влияние на общественное сознание. На сегодняшний день критическое направление имеет самые широкие возможности для дальнейшего развития.

Другой крупный кластер — постмодернистские теории политического дискурса. Это направление идет по пути абсолютизации дискурса. Постмодернистская трактовка дискурса как основания для восприятия внешнего мира, безусловно, имеет большой потенциал для развития. Философская мысль о всеобщей «зашоренности» сознания общества с большой долей вероятности будет находить отклик в теоретических исследованиях. Наличие фреймов интерпретации любого явления для политической элиты означает широкое инструментальное применение дискурса.

Близкие к предыдущей группе конструкционистские теории дискурса выросли на основании многочисленных исследований феномена идеологии. Тезис о влиянии дискурса на реальность путем фиксации значений может получить активное развитие в условиях столь глубокого погружения общества в использование средств массовой коммуникации.

Совершенно противоположное понимание дискурса встречается у представителей социальных теорий. Здесь господствует представление о дискурсе как о диалоге, как об идеальном состоянии, благодаря которому стороны приходят к согласию.

Наконец, сторонники дескриптивного подхода в изучении дискурса нацелены на познание способа фиксации значений в дискурсивной практики. Интерес к тому, как за тем или иным явлением закрепляются «ярлыки» истинности или объективности, реализуется посредством детального анализа текста.

Объединяющим моментом для различных школ является положение о том, что явления мира политического реализуются посредством языкового дискурса. В работах теоретиков всех направлений обозначена проблема связи языка, социальной реальности и политической власти. В центре внимания исследователей — тезис об инструментальном применении политического дискурса, использование лингвистических конструкций для достижения политических целей.

Дискуссионным остается вопрос о влиянии дискурса на формирование социально-политической реальности. Позиции в данном вопросе колеблются от рассмотрения политического дискурса в качестве источника построения социальной практики до отрицания столь преувеличенной роли и некоторого нейтралитета.

Теоретико-методологический обзор работ, посвященных политическому дискурсу, ставит перед нами новые вопросы, связанные с влиянием феномена на конкретные социально-политические процессы и практики, а богатый теоретический фундамент дает плодотворную почву для постановки новых задач и дальнейшего научного поиска.

Список литературы

1. **Альтюссер Ж. П.** Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) [Электронный ресурс] / пер. с фр. С. Б. Рындина // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (дата обращения: 12.03.2012).
2. **Бахтин М. М.** Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. М.: Лабиринт, 2000. 640 с.
3. **Будаев Э. В., Чудинов А. П.** Методологические грани политической метафорологии [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. № 1 (21). С. 22-31. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-07.htm> (дата обращения: 10.03.2012).
4. **Бурдьё П.** Структура, габитус, практика [Электронный ресурс] // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I. № 2. URL: <http://www.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html> (дата обращения: 09.04.2012).
5. **Витгенштейн Л.** Логико-философский трактат. М.: АСТ, 2010. 177 с.
6. **Граммши А.** Тюремные тетради: в 3-х ч. М.: Политиздат, 1991. 330 с.
7. **Гуссерль Э.** Логические исследования. Прологомены к чистой логике. М.: Академический проект, 2011. Т. 1. 256 с.
8. **Крючкова Г. Б.** Язык политики в работах ученых ГДР // Язык как средство идеологического воздействия. М., 1983. С. 59-75.
9. **Лотман Ю. М.** Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.
10. **Переверзев Е. В.** Критика КДА: некоторые ограничения критического дискурс-анализа как научного подхода [Электронный ресурс] // Современный дискурс-анализ. 2009. № 1. Т. 1. С. 31-38. URL: http://www.discourseanalysis.org/ada1_1.pdf (дата обращения: 12.04.2012).
11. **Русакова О. Ф.** Современные теории дискурса. Опыт классификаций // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. С. 10-28.
12. **Русакова О. Ф., Максимов Д. А.** Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса // Полис. 2006. № 4. С. 26-43.
13. **Слободяник Н. Б.** Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (о концепции политического дискурса Лаклау и Муффа) // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2007. № 2 (22). С. 60-67.
14. **Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ.** Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. 177 с.
15. **Соссюр де Ф.** Курс общей лингвистики (извлечения) // Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. Ч. 1. 466 с.
16. **Сычева Е. В.** К проблемам понимания термина «дискурс» // Молодой ученый. 2011. Т. 2. № 3. С. 42-46.
17. **Трахтенберг А. Д.** Возможен ли «демократический дискурс»? (к вопросу о дискурсивном анализе массовой коммуникации в современной политической науке) / предисл. к статье Н. Карпентье, Л. Ли, Я. Сервэ // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2006. С. 58-66.
18. **Филинский А. А.** Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2002. 21 с.
19. **Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. В.** Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2004. 352 с.
20. **Фуко М.** Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
21. **Фуко М.** Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 448 с.
22. **Хабермас Ю.** Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю. С. Медведева; под ред. Д. А. Складнева. СПб.: Наука, 2001. 417 с.
23. **Хабермас Ю.** Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2000. 380 с.
24. **Шейгал Е. И.** Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 324 с.
25. **Chilton P.** Analyzing Political Discourse: Theory and Practice. L.: Routledge, 2004. 226 p.
26. **Dijk T. A. van.** Introduction: Discourse Analysis as a New Cross-Discipline // Handbook of Discourse Analysis. L.: Academic Press, 1985. Vol. 1. P. 1-10.
27. **Fairclough N.** Language and Power. L.: Longman, 1989, 259 p.
28. **Fairclough N., Wodak R.** Critical Discourse Analysis // Discourse as Social Interaction / ed. T. van Dijk. L.: SAGE Publications, 2007. P. 258-284.
29. **Kress G.** Ideological Structures in Discourse // Handbook of Discourse Analysis. Discourse Analysis in Society. L.: Academic Press, 1985. Vol. 4. P. 27-42.
30. **Laclau E., Mouffe Ch.** Hegemony and Socialist Strategy. L.: Verso, 1985. 197 p.
31. **Laslett P.** Philosophy, Politics and Society. Oxford: Basil Blackwell, 1970. 184 p.
32. **Torfin J.** Discourse Theory: Achievements, Arguments, and Challenges / ed. D. Howarth and J. Torfin // Discourse Theory in European Politics: Identity, Policy and Governance. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. P. 1-32.
33. **Wodak R.** Critical Discourse Analysis // Discourse as Social Interaction. L.: Sage Publications, 1997. Vol. 2. P. 197-216.
34. **Wodak R., Meyer M.** Methods of Critical Discourse Analysis // Dijk T. A. van. Multidisciplinary CDA: a Plea for Diversity. L.: Sage Publications, 2001. P. 95-121.
35. **Yule G.** Pragmatics. Oxford: Oxford University Press, 2000. 138 p.

**POLITICAL DISCOURSE: ANALYTICAL REVIEW
OF THEORETICAL-METHODOLOGICAL APPROACHES**

Yuliya Igorevna Levshenko

*Department of Politics Philosophy and Law
Moscow State University named after M. V. Lomonosov
u.levshenko@gmail.com*

The study of political discourse is becoming extremely relevant in the conditions of modern information society. One of the main problems in discourse study is the absence of the systematic idea about the phenomenon and the methods of its study, as well as the conceptual unity in the notion definition. The author systemizes the main directions in political discourse studies, analyzes their historical foundation, the degree of influence on political discourse theory development, and emphasizes the tendencies of further development.

Key words and phrases: directions of political discourse theory; critical discourse-analysis; post-modernist discourse theories; constructionist discourse theories; social discourse theories; theoretical foundation of political discourse; tendencies of political discourse theory development.

УДК 327

В статье анализируется реализуемая в русле выдвинутого Вашингтоном в 2009 г. курса на «возвращение в Азию» современная политика США в Юго-Восточной Азии. В фокусе внимания автора статьи находятся военно-политические аспекты существенно возросшей при администрации Б. Обамы вовлеченности США в дела региона, а именно: развитие союзнических отношений с Филиппинами и Таиландом, укрепление сотрудничества с другими перспективными странами региона – Вьетнамом, Индонезией, Сингапуром и Малайзией.

Ключевые слова и фразы: политика США в Юго-Восточной Азии; курс на «возвращение в Азию»; союзники США; военное сотрудничество США; американо-индонезийские отношения; американо-вьетнамские отношения; американо-сингапурские отношения.

Яна Валерьевна Лексютина, к. полит. н.

Кафедра американских исследований

Санкт-Петербургский государственный университет

lexyana@yandex.ru

**ПОЛИТИКА США В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ПРИ Б. ОБАМЕ:
УКРЕПЛЕНИЕ СОЮЗНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ПАРТНЕРСТВ®**

На протяжении длительного времени, последовавшего вслед за окончанием войны во Вьетнаме, США не проявляли особого интереса к Юго-Восточной Азии и не имели там четкой внешнеполитической стратегии. Участие Вашингтона в делах региона выражалось в эпизодическом реагировании на возникающие кризисы, а официальные визиты были редки и плохо спланированы. Во время азиатского финансового кризиса 1997-1998 гг. администрация Б. Клинтона не оказала помощи азиатским экономикам и фактически предоставила АСЕАН возможность возглавить процессы региональной интеграции. В этот период в контексте стратегии США в АТР акцент был сделан на развитии отношений со странами Северо-Восточной Азии, а Юго-Восточная Азия занимала маргинальные позиции в американской внешней политике.

Только после открытия в Юго-Восточной Азии «второго фронта» антитеррористической борьбы после произошедших в США 11 сентября 2001 г. терактов Вашингтон стал расширять степень своей вовлеченности в дела региона. В 2002 г. США и десять стран-членов АСЕАН подписали Совместную декларацию о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом. Преследуя цели борьбы с сетью террористических организаций и недопущения превращения Юго-Восточной Азии в очаг террористических операций, США стали усиливать военное сотрудничество и проводить совместные военные учения со странами региона. После событий 11 сентября значительно укрепились военные связи США с Филиппинами, Таиландом, Сингапуром и Индонезией. Вместе с тем следует заметить, что интересы США в регионе на этом этапе ограничивались преимущественно антитеррористической борьбой, а сотрудничество развивалось в направлении постепенного восстановления военно-политических связей США со странами региона на двусторонней основе.

Демонстрируемое Вашингтоном на протяжении 1990-х гг. «пренебрежение» к Юго-Восточной Азии позволило, в свою очередь, беспрепятственно наращивать там внешнеполитические и внешнеэкономические позиции Китая. Как указывает китайский исследователь Тао Вэньчжао, интерес к Юго-Восточной Азии Вашингтон проявил только тогда, когда обнаружил, что влияние Китая в регионе увеличивается,